

ЗАРНИЦЫ НЕЖНОЙ ДУШИ

Послесловие к сборнику А. П. Платонова «Потомки Солнца»

Вы, конечно, помните, как машинист Мальцев, герой рассказа «В прекрасном и яростном мире», дает слово нагнать время, потерянное в пути курьерским поездом. Он ведет «состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним...». Казалось, задача будет выполнена и удастся «вернуть» целых четыре часа драгоценных минут. Это время уже «приближалось», но неожиданно ударившая молния помешала даже такому виртуозу вождения машин увидеть желтый свет, а затем и красный. Мало того, в его воображении горел яркий зеленый свет, свет «не прожитой до конца жизни». Катастрофа едва не произошла, но Мальцев продолжал видеть «свой» зеленый свет вопреки всему.

Поистине символичен этот один из лучших рассказов Андрея Платоновича Платонова. Сила его романтического воображения и твердость духа, вера в возможность и необходимость простого человеческого счастья помогли ему жить надеждой на лучшее, талантливо бороться со злом, творить красоту простым русским словом.

Так случилось, что Андрею Платонову тоже не удалось «нагнать» понапрасну упущенных часов. Но уже в период расцвета его таланта о писателе шла «глухая» слава, и чем дальше уходят в историю эти годы, тем ярче светит нам живая звезда его творчества. Еще раз убедительно подтверждается житейская истина: «большое видится на расстоянии».

Думается, что во многом это произошло и будет происходить благодаря магической привлекательности видения писателем окружающего его мира, и в первую очередь людей, его населяющих, «человеков», по любимому выражению Платонова. Его зоркий и ласковый взгляд всегда устремлялся в тайное тайн души, внутреннего мира не только современников, но и их близких и даже далеких потомков. Недаром один из рассказов Платонова так и называется — «Потомки Солнца». Герой рассказа Вогулов вроде далек от реальной жизни, но вспомним, что именно тогда, в первые годы после Октября, страстно мечталось о «перестройке земного шара» сразу, путем неистового всепоглощающего труда. Молодой А. Платонов тоже был среди «мечтателей», но вскоре убедился, что одной техникой, без совершенства души человека мир преобразовать невозможно, а значит, нельзя достичь счастья, о котором грезили славные предки.

«В мечте есть сторона, которая выше действительности, — писал Лев Николаевич Толстой. — В действительности есть сторона, которая выше мечты. Полное счастье было бы соединением того и другого». О таком многотрудном счастье, соединяющем мечту с действительностью, размышляет Андрей Платонов во всех своих произведениях. Нельзя не видеть, что в его повестях и рассказах немало необычного, странного, фантастического. Однако, за редким исключением, эта фантастика навеяна многоцветьем и неисчерпаемостью, «неизвестностью человеческой души», ее необъятным великолепием.

Свой путь в литературу Андрей Платонов начинал как поэт. В 1922 году в Краснодаре вышел небольшой сборник его стихов «Голубая глубина». В одном из стихотворений — «Мысль» есть такие строки:

Пред нами солнце, и в нас рассвет,
Все реки светлые до дна,

И в нас восходит светлевший свет,
Ничья не будет душа одна.

Известный писатель и критик того времени Валерий Брюсов, прочитав сборник, заметил, что у автора — «богатая фантазия, смелый язык и свой подход к темам... Будет очень грустно, если все это окажется лишь «пленной» мысли раздражение, а такие прекрасные обещания не дадут достойных осуществлений».

Не исключено, что высокая оценка столь признанного авторитета, высказанная, правда, не без тревоги за будущее, вдохновила Платонова. Возможно, писатель с увлечением читал фантастические произведения самого В. Брюсова — «Мятеж машин», «Восстание машин», «Республика Южного Креста», «Первая междупланетная экспедиция» и другие. И читал небеспристрастно: Платонов был большой знаток и почитатель техники, машинных чудес.

Но так или иначе одним из первых стал фантастический «Рассказ о многих интересных вещах». В нем славился мир машин, электрической техники, «универсального интеллекта» и одновременно романтически скользила любознательная мысль о том, что, прежде чем преобразовать, мир неплохо бы узнать, «чем он там хочет быть — этот мир?», о чем гудит лес в бурю, какой высоты небо, о чем шепчет поспевающая рожь и поет ветер. Уже в этом рассказе намечается соединение принципов глубокого научного поиска в технике с социальным поиском — в человеке.

Рассказ печатался в нескольких номерах воронежской газеты для крестьян «Наша газета» и вызвал оживленные обсуждения. Ведь он писался на основе реального опыта строительства сельских электростанций. Многие, о чем рассказывал автор, было удивительно правдиво и, казалось, существовало на самом деле. В одном из своих ранних рассказов «В полях» Платонов так описывал свой путь из Воронежа до глухой деревеньки Волошино, где тогда учительствовала его будущая жена М. Кашинцева: «Я шел по глубокому логоу. Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни и одни звезды над головой в мутной смертельной мгле. Нельзя поверить, что можно выйти отсюда, что есть города, музыка, что завтра будет полдень, а через полгода весна... Если взглядишься в звезду, ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежной и невыразимой муки — так далека, далека эта звезда... А кругом поле, овраги, волки и деревни. И все невыразимо, и можно вытерпеть всю вечность с великой, неимоверной любовью в сердце».

Переход от холодных звездных мечтаний к живым вечностям отразил напряженные творческие искания Андрея Платонова, выбирающего твердый путь в большую литературу. Можно предположить, что склонность к фантазии как особенность его души, желание быстрого «революционного» счастья и вместе с тем объективные исторические препятствия в его достижении «сразу» привели молодого писателя к мысли начать поиски счастья с литературы мечты, с фантастики.

Андрей Платонов задумывает фантастическую трилогию. Свою фантазию «Сатана мысли», опубликованную в альманахе «Путь коммунизма» за 1922 год, он перерабатывает немало и дает ей новое название — «Потомки Солнца». Здесь инженер Вогулов уже не просто универсальный интеллект, чистый, почти стерильный гений, а творец и одновременно жертва покоривших его глобальных технократических идей. Он истребляет в себе и в других все возможности счастья, разделяет и разрывает другие души. Сродни ему сенсационный космолетчик, «лунный» восходитель — инженер Петер Крейцкопф из рассказа «Лунная бомба». Он достиг самой Луны, но оказалась ненужной, тоскливой громкая слава о его научном подвиге, совершенном в изоляции от родных, друзей, знакомых, просто других людей. Он горестно сожалеет: «...хотел бы друга, задушевного негромкого разговора и простой теплоты, говорящей о родственности и сочувствии людей друг к другу». Надежды не сбылись. Не удалось и открыть в космосе некие источники питания земной жизни, способные избавить человечество «от зла, тягости и тесноты». О главной цели путешествия герою неудобно вспоминать.

И хотя Петер Крейцкопф и весь окружающий его мир более предметен, реален, чем Вогулов с его «глобализмом», техника и злые внешние силы уничтожают в зародыше «сокровенного человека».

Поиск своего героя давался непросто. «Полтора ста страниц насилывал я свою музу в «Эфирном тракте», — писал он жене из Тамбова. И в этом нельзя не убедиться. Восхищение Михаила Кирпичникова вызывают не холодные, хотя и умные машины, не просто «многие интересные вещи», а обычный и такой таинственный, трудолюбивый человек. Он буквально поражен «гением» — Фаддеем Поповым, одержимым идеей создания «эфирного тракта», убежденным в реальности подобного преобразования электронов с целью «разведения», выращивания железа, золота, угля, «как скотоводы разводят свиней».

«Вся загадка состоит в том, чтобы уменьшить разницу во времени жизни человека и электрона. Но как вызвать свободный и усиленный приток питательного эфира к электронам? Как технически создать эфирный тракт — дорогу эфиру?.. Решение просто — электромагнитное русло».

Нелегкий труд взял на себя автор «Сокрушителя адава дна». Согласитесь, что «преобразовать звездный путь», «исчерпать тьму», добиться, чтобы хлеба стало «столько же, сколько воздуха», задача поистине фантастическая, неправдоподобная. Она под силу только разве что устремленному «во множество времен», пытливому и беспокойному человеческому воображению людей, увлеченных поиском не личного, своего, а всеобщего счастья. А стало быть, для ее «выполнения» важно состояние души, сердца, мыслей. И состояние не обычное, всем известное, а, если хотите, принципиально новое, внутренне как бы апокалипсическое, способное победить злые силы в самом человеке.

Обратите внимание, такое состояние и зарождается в душе Михаила Кирпичникова после прочтения труда Фаддея Попова. И он, как и его волей судьбы посланный учитель, становится одержимым. Помните: «Так в глубине равнинной глухой страны, где жили пахари — потомки смелых бродяг земного шара, трудились два человека (уже два! — Д. З.): один для ясной и точной цели, другой в поисках пропитания, постепенно стараясь узнать от ученого то, что сам искал, — как случайную нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной».

Как видим, молодого Михаила Кирпичникова интересуют оригинальные научные идеи, технические подробности, приборы, расчеты, но куда больше заманивает духоборческий характер современного «чернокнижника». Ведь Фаддей Попов воплощает жизненный идеал Михаила. Недаром же Кирпичников вновь перечитывает мысли своей юности в старом дневнике: «Надо жить для тех, кто делает будущее, кто томится сейчас тяжестью трудных мыслей, кто сам весь — будущее, темп и устремление. Таких мало, они затеряны, таких, может быть, нет. Но я для них живу и буду жить, а не для тех, кто гасит жизнь в себе чувственной страстью и душу держит на нуле». Мысли о соковенном таинственно совпали.

Не правда ли, яснее становится глубинный смысл необходимости революционных преобразований в России, раскрепощения народной души, освобождения из тесных, заскорузлых рамок ограниченного мышления, выхода на простор ее несомненного и могучего таланта. Новое поколение теперь уже свободных романтиков с «вольнлюбивыми мечтами», «духом пылким и довольно странным», но более ясно видящих свою цель, пусть порой грубовато, но смело берущих теперь дело «будущего человечества» в свои любящие труд руки. И в то же время это поколение начисто отвергало фанатиков чистого разума и техники, приспособляющих науку к корыстным побуждениям. Потому и не нашли общего языка Михаил Кирпичников и Исаак Матиссен, что последний «насилывал природу». Мозг Матиссена излучал электромагнитные волны особого строения, которыми он не научился управлять, и это «било мировую материю по самому нежному месту, и от боли она сдавалась». В своей попытке воспользоваться чужими идеями для личной выгоды Матиссен не внемлет мудрому совету простого крестьянина села Волошина Петропавлушкина: «Если ученье со смыслом и с добросердечностью сложить, то,

я полагаю, и в пустыне цветы засияют, а злая наука и живые нивы песком закидает». «Вихри мозговых частиц», рожденные прибором, созданным новоявленным техническим маньяком, убивают его самого. Возникающий перед его взором в последний миг образ «живой измученной матери» символизирует полную бездуховность его деяний, а следовательно, справедливость гибели этого «Лиха Одноглазого».

Вспомним, что и Михаил Кирпичников, которого научный поиск после разрыва с Матиссеном привел в далекую Америку, возвращаясь, тоже неожиданно погибает в результате попадания в корабль инопланетного болида. Как выясняется, и это произошло по вине Матиссена, вызвавшего своими поступками, эгоистическими действиями «изменение направления полета всей солнечной системы» и «нарушение векового строения неба». Ко всему прочему, по мнению крестьянина Петропавлушкина, «на камчатские горы села планета — одна звезда пропала и лопнул Млечный путь». Поэтому он и убежден, что Матиссен был тайным и беспощадным врагом подлинно «ликующего знания» и человечности, ибо не захотел делать добро, «отчего-то и умер», и страстно призывает: «Долой злые тайны и да здравствует сердечная наука!».

Без сомнения, известная доля наивности здесь имеется, но она вызвана неодолимым желанием простого человека-труженика изучить землю не только с помощью приборов и машин, но и с любовью, нежностью — сердечно. Бессмертна истинная душа народа, как бы с новой силой подчеркивает автор. И вот уже Егор Кирпичников, сын смелого подвижника науки, избрал целью жизни «конечную разгадку» вселенной и ищет «первичное чрево мира в межзвездном пространстве, в таинственной жизни электронов, составляющих эфир».

В своем прощальном письме матери Егор, ушедший из уютного дома, как ранее и его отец, написал: «Я теперь понял отца».

В этих строках отчетливо видна твердая позиция, родившаяся не от случайного стечения обстоятельств, не в результате таинственных превращений, некоего сказочного волшебства, а созданная на основе крепкой связи времен и поколений, природы и человека, мечты и действительности. По сути своей это новорожденный начавшегося преображаться мира социалистического.

Известный русский ученый-историк В. О. Ключевский задолго до Октября 1917 года заметил: «Россия — это неопрятная, деревенская люлька, в которой беспокойно возится и кричит мировое будущее».

Думается, что именно такие, как Егор Кирпичников, и взошли первыми ростками этого будущего. Они родились, жили, действовали уже. Конечно же, родились не просто и живут нелегко, даже трагично: Егор Кирпичников нелепо гибнет на одной из «земных дорог». Но их помыслы светлы и чисты, словно родниковая вода, которую они пьют, «смазывая и охлаждая перегретое сердце». Им глубоко чужды тайные соображения о «мировом первенстве своего народа», они душевно и космически одержимы «зодчеством новой природы».

Любопытно одно обстоятельство в повести. Мария Александровна Кирпичникова с сыном Егором приходят в Дом воспоминаний в Серебряном бору и останавливаются у мемориальных досок.

На первой написано: «Андрей Вогулов. Пропал без вести в экспедиции по подводному исследованию Атлантиды...»

На другой значится: «Петер Крейцкопф, строитель первого снаряда для достижения Луны. Улетел в своем снаряде на Луну и не возвратился...»

Третья сообщает: «Михаил Кирпичников, исследователь способа размножения материи, сотрудник доктора физики Ф. К. Попова, инженер. Погиб на «Калифорнии» под упавшим болидом...»

Видимо, минуло не так уж и много лет, как появилась еще одна надпись:

«Егор Кирпичников. Погиб 29 лет. Изобретатель эфирного тракта — последователь Ф. К. Попова и своего отца...»

Вогулов — герой рассказа «Потомки Солнца», Крейцкопф — космонавт из рассказа «Лунная бомба». Кирпичниковы — отец и сын, Ф. Попов из повести «Эфирный тракт». Так состоялась трилогия, объединенная фантастическим «слежением» за прорастанием всходов нового человека.

Случайно ли? Конечно же, нет. Очень похоже, что чисто научно-технический замысел Андрея Платонова опирался на открытия и идеи К. Э. Циолковского. Помните его знаменитое «Человечество не останется вечно на Земле...»? И еще автор хотел подчеркнуть, сколь трудна дорога «вперед идущих». Но присмотритесь внимательнее, и вы увидите другой замысел писателя, по крайней мере равный по значимости. Он тоже научный, но глубоко социальный, направленный в «голубую глубину» бесчисленных тайн сокровенной человеческой души.

Андрей Платонов как бы хотел сказать, что идеи исследования, эксперименты, проекты, новшества без сомнения преобразуют мир, но разве возможна полная гармония без преображения его главного разумного начала — его величества Человека. И писатель сам многого еще не знает, о многом лишь смутно догадывается, но, в общем, глубоко убежден, что именно красота, и в первую очередь красота души человеческой, спасает мир. В своем письме редактору Г. З. Литвинову-Молотову Андрей Платонов писал: «Красота — все дни и все вещи, а не одна — подземная и недоступная, гордая. Это оттого я не встретил и никогда не подумал о красоте, что я к ней привык, как к матери, о которой я хорошо вспомню, когда она умрет, а сейчас я все забываю о ней, потому что она всегда в душе моей».

С этим глубоким внутренним убеждением и одновременно со всеми своими противоречивыми исканиями, сомнениями и мечтами Андрей Платонов пристально всматривался в зеленеющие всходы поколения «мирового будущего» и намечал свой «тракт» заботливого и нежного их выращивания.

Все главные герои фантастической трилогии — своеобразная цепочка или даже спираль этого роста. И если Вогулов, как мы видим, весьма абстрактен как человек, личность, у него даже нет имени, то Егор Кирпичников уже вполне современник писателя, живое воплощение его юношеской мечты о строителе грядущего чуда. Жаль, конечно, что и Егор погибает: среди энтузиастов науки такое всегда будет случаться, но смерть его, в отличие, скажем, от смерти Вогулова, Крейцкопфа, Михаила Кирпичникова и тем более Матиссена, — во имя жизни других, потому и «вечная слава» ему и таким, как он.

Так нравственные искания складываются в философию трудного счастья. Разумеется, эта философия не без утопии. Революционно-романтическая страсть писателя, как и всего молодого поколения того времени, нашла в ней отражение. Однако обращение к истории, живым людям, их труду, их заботам, житейским и сердечным тайнам, где страстно желаемое выдается за действительное, со всей очевидностью подтверждает, что А. Платонов переходит на реалистическую основу, — а фантастика становится тонким инструментом познания, врачевания и совершенствования внутреннего мира современников для сознательного вращивания в «мировое будущее». И в этом смысле Андрей Платонов всегда оставался неисправимым романтиком, несмотря на хитросплетения своей судьбы и судеб любимых героев.

В одном из писем 20-х годов писатель заметил: «Прежде всего Кирпичников — это не я. И вот почему. Мои идеалы однообразны и постоянны. Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать». В то же время именно Платонов шагал «по звездам» в деревеньку Волошино, испробовал много профессий, в том числе занимался проблемами использования электроэнергии в народном хозяйстве и для блага человека. Как и у Кирпичникова, жена Платонова тоже Мария, которой он писал нежные письма. «Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в захолустье...» — писал он жене из Тамбова. Вспомним, что и Михаил Кирпичников идет через всю Россию пешком в Ригу, путешествует по Америке. Большинство других героев тоже «странники», «ходоки».

Многие свои рассказы писатель посвятил рабочим, изобретателям, детям, крестьянам. Сам Платонов был в роли каждого из них с тех самых пор, как родился в семье слесаря железнодорожных мастерских в Ямской слободе на окраине Воронежа в 1889 году. Несомненно близость или точное совпадение истории его жизни, его биографии с героями его произведений. Рисуя их мир, он строго и до жестокости самокритично оценивал самого себя, был невероятно скромно и добр. Платонову страстно хотелось, чтобы они походили на него, а он — на них. И в этом также состоит причина его постоянного стремления к реальной мечте, к созданию фантастических, но глубоко жизненных ситуаций.

Маркун мечтал о механизме, способном «вскинуть землю до любой звезды», о «металле бесконечной крепости», задумывался о «сильных разумных существах», живущих на других звездах. Кузнец Яков Саввич Еркин стал свидетелем жизни в глиняном доме старой женщины-призрака и ухаживающего за ней мальчика-сироты. Малолетний любознательный Егор «разговорился» с жуком, червяком, со звездами, с «железной старухой». Скрипач играл «Зимнюю дорогу» Шуберта и приворожил «седого» воробья с «умными глазами». Врукопашную схватились два засыпанных землей солдата: русский и немец-фашист — и повели разговор между собой о цели войны и смысле жизни. Необычный бой закончился победой русского, который «сам стал смертью» для своего «неодушевленного врага». Удивительно правдоподобно русский человек превратился в мертвого, сумев «настолько сократить свое дыхание, что даже остыл телом». Искусный мастер создал броню почти идеальной прочности. Нельзя без волнения читать о схватке Назара Чагатаева с орлами в пустыне, где проявились поистине чудодейственные качества сильного духом человека.

Некоторые исследователи творчества А. Платонова считали, что повесть «Джан» — это своеобразное переосмысление библейского сказания о Моисее. Они видели в ней попытку писателя соединить известный античный миф о Прометее с «азиатским мифом о народе, идущем через пустыню к земле обетованной». Однако такая версия величественного замысла писателя мало обоснована. И прежде всего потому, что Назар Чагатаев — коммунист и выполняет партийное задание. Порой он выглядит слишком необычным, как бы выходит за рамки «признанного чуда». Возможно, потому, что писатель сделал его предельно собирательным, воплощением коллективной воли и разума, а не благородным героем-одиночкой.

Необычным выглядит и город Градов, в котором нет пролетариата, а живут служащие и хлебные скупщики, прожигаящие впустую «историческое время», вместо того чтобы ускорить стремительный рывок новой России к высшей судьбе. Там мечтают превратить сухую территорию губернии в море, а хлебопашцев в рыбаков. Поистине фантастический бюрократизм приводит героев к не менее фантастическому жуткому состоянию, пребывая в котором, они думают, что история «потечет-потечет и остановится».

Легко заметить, что фантастика А. Платонова тесно увязывалась с конкретными историческими событиями, шла с ними не только в ногу, но и рассматривала возможные повороты судьбы народа и страны, прогнозировала.

Думается, не лишним будет сказать, что оригинальное исследование «души народной» не всегда находило понимание. Например, критик А. Гурвич писал в № 10 журнала «Красная новь» в 1937 году: «Платонов испытывает непреодолимую потребность говорить о тех и за тех, кто слаб и нем. Беспомощность обладает для него огромной притягательной силой. Его неизменно влечет к обездоленным, брошенным людям. Потребность проливать слезы над чужим горем у Платонова настолько сильна и ненасытна, что он неутомимо и изоощренно вызывает в своем воображении самые мрачные картины, самые жалостливые положения. В этом отношении подгоняемая болезненным воображением фантазия художника не знала и не хочет знать никаких ограничений».

То, что критик не понял поисков писателем сокровенных тайн человеческой души, их поэтичность и одновременно предельно обнаженную реальность, его бесчувственность, вызвали у А. Платонова справедливые возражения:

«...Вздор также, несомненно, поддается обдумыванию и планированию. Беря, например, произведения, написанные 9-10 лет тому назад, и, сравнивая их, скажем, с рассказами «Бессмертие» или «Фро», написанными полтора года назад, Гурвич заявляет, что принципиально все эти произведения одно и то же. Это все равно, что сказать — всякое вещество состоит из водорода: вопрос «ясен», но зато при таком «решении» из мысли и чувства человека мгновенно исчезает вся живая природа, остается лишь некий невидимый глаз, почти ничто... Механика сравнения несравнимого проста и глупа».

Сегодняшним читателям А. Платонова сетования некоторых его современников представляются не совсем искренними, надуманными, субъективными. Но уже тогда на литературных диспутах и творческих встречах говорилось немало теплых и даже восторженных слов о его творчестве.

Прочитав, например, фантастический роман писателя «Чевенгур» о хождении по обновленной России Саши Дванова и Копенкина для выяснения, как осуществляется мечта человечества о справедливом обществе, А. М. Горький заметил: «Человек вы талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком... Вы счастливее нас!.. Но надо подумать, надо сделать так, чтобы счастье вдохновляло человека сильнее, чем... нужда и необходимость». (Писатели встречались в сентябре 1929 года.)

При обсуждении рассказов А. Платонова «В прекрасном и яростном мире» и «Ты кто?» в феврале 1941 года говорили: «Платонов сейчас уже классик в смысле понимания, что такое рассказ».

Позже один из критиков не без пафоса, навеянного зарницами нежной души писателя, заглянул еще глубже в его таинства: «Если бы прозу Андрея Платонова пощупать пальцами, как материю, она наверняка оказалась бы мягкой. Она податлива, как живое горячее тело...» И лишь в одном, пожалуй, слишком уж пристрастные «ценители» таланта А. Платонова оказались правы. Фантазия художника действительно «не знала и не хочет знать никаких ограничений».

Это было и тогда, когда «Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала». Да и хаты порой заменяли фантастически огромные выдолбленные тыквы, в которых жили, к примеру, герои повести «Ювенильное море» — богатые и бедные каждый по-своему, но нередко сказочно упрямые, искренние, одухотворенные люди.

Со всей очевидностью «безграничность» открылась в яростное время тяжких испытаний, противодействия «мусорному ветру», а затем «неодушевленному врагу» — фашизму. Ведь притвориться по-настоящему мертвым, «остыть телом», тонко обмануть врага и выдавшего виды Гершковича совсем не просто — нужен талант невероятного, святого убеждения в своей правоте, умения любить свою очень «нужную родину», творить добро и счастье.

Еще более привлекательной, зримой «безграничность» фантазии стала после титанического преодоления главной «грубости мира». Над «загадкой» нашей Победы по сей день бьются и недоумевают специалисты по русским делам всех мастей и направлений вплоть до откровенных русофобов. Олицетворение этой «загадки» — сам Андрей Платонов и большинство героев его повестей и рассказов. Они были и остались ее источниками, живыми творцами.

И, наконец, о каком ограничении фантазии можно говорить, если сердце, душа восходит к творчеству самого народа — волшебным сказкам. Пушкинское «Что за прелесть, эти сказки!» не только полностью принималось писателем, как восторг нежностью души народной. Сказки буквально ожили в его произведениях, помогая растить нового человека, воспитывать его.

Незадолго до преждевременной смерти в 1951 году Андрей Платонов выпустил сборник русских народных сказок в своем пересказе — «Волшебное кольцо» под редакцией М. Шолохова.

Сборник получился оригинальным, близким к народному даже по интонации прочтения фольклорных сочинений об умной внучке, счастливом Семене, Иване Бесталанном и Елене

Премудрой, волшебном соколином перышке и красном молодце. Все семь сказок сборника сверкают, как «семь чудес света», проникнуты неистребимой верой народа в свое трудное счастье.

А. Платонов встречался со сказителями, слушал их, тщательно записывал. Он понимал ответственность за частицу «живого существа» народа, которое, говоря его словами, народ «передоверил ему на время».

«Волшебное кольцо» увенчало жизнь писателя, теснее связало ушедшее с настоящим и будущим.

Платоновские своеобразные, почти незаметные «домовые», «лешие», «Баба Яга», «Кашей Бессмертный», «Иванушка-дурачок», «Разумница Марьюшка», «Сокол — красный молодец», «Петрушка», «Удалой солдат», «Синяя Борода» и многие другие будто живут рядом с его героями и в них самих, создавая колоритные, проникновенные, надолго запоминающиеся образы.

Есть у Платонова и Сатана, и Дьявол, и Черт, и Ад, и Исход, и другие приметы, заимствованные из древней мифологии, что показывает высокую внутреннюю культуру писателя. Но своему родному, как бы даже сравнивая, он отдает полное предпочтение. Он настойчиво и талантливо следует заветам великого Пушкина.

«Разве не повеселел бы часто грустивший Пушкин, если бы узнал, что смысл его поэзии — универсальная, мудрая и мужественная человечность — совпадает с целью социализма, осуществленного на его же, Пушкина, родине», — писал А. Платонов в статье «Пушкин — наш товарищ» в 1937 году. Он считал, что Пушкин «угадал и поэтически выразил «тайну» народа, умеющего «искать и находить выход из губительного положения», и тем самым открыл секрет не просто выживания, а движения вперед, очеловечивания самых горестных обстоятельств, секрет способности «изымать свою любовь из-под власти судьбы и бедствий» (статья «Пушкин и Горький»). Благодаря этому и рождались, и действовали в России «строители чудотворные», а их дело продолжали и будут продолжать «таинственные певцы», которые не обманут доверия своих ясновидящих великих предков.

«Живи Пушкин теперь, его творчество стало бы источником всемирного социалистического воодушевления.

Да здравствует Пушкин — наш товарищ!» — так заканчивает А. Платонов эту юбилейную статью.

Возможно, есть в ней несколько излишний пафос, но в том, что «Пушкин — наш товарищ», был и навсегда останется товарищем А. Платонова, нет никаких сомнений. Их «личная дружба» подтверждает безграничность реалистической фантазии. Писатель, как мы знаем, «угадал и поэтически выразил «тайну» народа, людей, умеющих «искать и находить выход из их губительного положения», весьма скептически относился к похищению и использованию «кем-то уготованного счастья» вместо того, чтобы «добывать его в труде, нужде и борьбе», и нередко сетовал по поводу слишком ярких, как ему казалось, увлечений некоторых писателей-фантастов.

Став одним из «таинственных певцов» в переломный момент отечественной истории, Андрей Платонов постоянно чувствовал мощный духовный подъем революционных сил. Оказавшись на гребне высокой народной волны, он открыл, что в новой России «никто не ищет «хлеба», все ищут духовного счастья и красоты». Не здесь ли сокрыта тайна его любви к фантастическому.

На памятном обсуждении рассказов А. Платонова в феврале 1941 года один из выступающих неожиданно обратился к собравшимся: «Мне комплимент хочется сказать. Андрей Платонович, видимо, к мальцевской породе принадлежит».

В предгрозовое время люди скупой расточали похвалы. Многие знали о трудностях на тракте большого таланта А. Платонова. И все же откровения восторженных и смелых почитателей вспыхнули искрами в их сердцах от зарниц нежной души скромного чуда нашей литературы. Вершилось счастливое таинство возрождения «зеленого света» в безграничность.